

Новохацкий Сергей Григорьевич

(22.08.1922 – 19.09.2001)

Воспоминания военных лет 1941-1945

Вступительное слово автора

Я хочу обратиться к тем, кто будет читать мои воспоминания. Этот дневник я вёл с первых дней войны, делая записи, на чём придется. Это были листочки бумаги, обертки от консервных банок, упаковки от концентратов. Многие из них были утеряны, намокали и сгорали. Но я восстанавливал их по памяти. Может быть какие-то даты будут не очень точными, но это небольшие ошибки. Свой дневник я переписывал 3 раза. Вариант, который вы сейчас читаете, самый последний. Сюда внесены все дополнения и изменения.

Сколько я буду жить, я буду помнить эту дорогу Победы, обогрённую кровью наших солдат. Я надеюсь, что мой дневник никогда не будет забыт, и его прочтут мои дети, внуки, правнуки и другие люди.

Начало войны

В июне 1941 года мне было 18 лет и 9 месяцев. До призыва в Армию оставалось всего-ничего. В сентябре я должен был стать солдатом, а пока, после окончания школы кондитеров, жил в г. Одессе в общежитии и работал тестомесом на хлебзаводе им. И.В.Сталина.

21 июня 1941 г я заступил в ночную смену. Вот уже целую неделю я работал самостоятельно и очень этим гордился. Ночное дежурство проходило спокойно. Стояла теплая летняя погода, поэтому все окна были распахнуты настежь. Рабочие подходили к окнам подышать свежим утренним воздухом и посмотреть, как восходит солнце, и как по улице медленно прогуливаются выпускники школ. Светало. День обещал быть жарким.

Вдруг слышались взрывы, и в небе появились какие-то непонятные маленькие облака. Мы все решили, что снова начались учения, которые в последнее время стали часто проводится где-то неподалеку. Но через минут 15 в небе со зловещим рычанием появились немецкие бомбардировщики. Их было около 8 единиц. Вскоре навстречу вражеским самолетам в небо взмыли маленькие, но очень юркие «чайки». Это были советские истребители, которые вступили в бой с немецкими монстрами. Зенитки замолчали, а перед нашими глазами развернулась смертельная схватка. Маленькая «чайка» зашла в хвост огромной немецкой машине и начала прижимать её к земле. Мы не успели опомниться, как два бомбардировщика, объятые пламенем, падали вниз, а третий, с дымящим, как факел хвостом, медленно пикировал в море. Как выяснилось позднее, одним из истребителей – «чаек» управляла молодая девушка, недавняя выпускница школы ДОСААФ.

Вот так, с бомбежки г.Одессы началась для меня война. Лишь в 10:00 по радио было сообщено о вероломном нападении Германии на Советский Союз. Рабочая смена давно закончилась, а мы никто не

расходились домой, все обсуждали случившееся и думали, как будем жить дальше. Всем было страшно.

А дальше была война. Фашисты упорно пытались прорваться к городу, но Одесса крепко держала свою оборону. Зенитки и истребители не давали немцам преодолеть оборонительные рубежи. Одесситы защищали свой город всеми имеющимися возможностями.

26 июня 1941 г. мне пришла повестка с призывом в Армию. Я сбегал на работу, получил расчёт, попрощался с товарищами и пошел в военкомат. Никто меня не провожал, никто не плакал. Девушку я еще не завел, а мать жила далеко, и я решил написать ей позже.

Так я стал солдатом Советской Армии батальона связи. Меня стали обучать специальности линейного смотрителя. Поскольку раций почти не было, связисты тогда были очень нужны и важны.

2 июля 1941 г ближе к ночи наш батальон посадили на грузовой пароход и отправили в сопровождении военных кораблей. Море было заминировано, поэтому мы освещали воду прожекторами и прокладывали путь между мин для кораблей. Только к утру мы приплыли и причалили у какой-то бухты. Здесь, замаскировавшись, мы простояли до самого вечера. Бесконечно над нами летали немецкие разведчики, но нас никто не заметил. После наступления темноты, мы взяли курс на Херсон. По прибытию в порт, нас снабдили продовольствием и пересадили на пассажирский речной пароход, на котором мы отплыли по Днепру в Днепропетровск, в который мы прибыли на рассвете 8 июля.

В порту было много пароходов, речных катеров, битком набитых солдатами. В небе над нами постоянно кружили немецкие самолеты, которых обстреливали зенитки с земли. Нас высадили на берег и повели в городскую баню, где всех обрили наголо, и провели полную санитарную

обработку. Здесь же нам выдали новую форму, которая состояла из нижнего белья, гимнастерки, брюк, ботинок и обмоток. Нас повели в казармы. Обмотки не хотели держаться на ногах, постоянно сползали, солдаты останавливались, чтобы их поправить, Строй превращался в кучу, где задние напирали на передних. Обмотки тянулись за ногами, люди падали. Поэтому пока дошли до казарм, многие их вообще потеряли, а внешний вид бойцов представлял собой смешную картину. Мы смеялись и шутили, и совсем не хотели думать, что через пару-тройку дней нам, восемнадцатилетним пацанам, придется столкнуться со всеми ужасами войны.

После того, как нас разместили в казармах, повели и накормили завтраком. Продуктов было много, поэтому завтрак был вкусный и сытный. Потом нам всем раздали винтовки и гранаты. Винтовки были очень тяжелые, а кроме них надо было еще нести и телефон с вещмешком.

Нас готовили к первому бою за подступы к Днепропетровску, который запомнился на всю оставшуюся жизнь.

10 июля 1941 г. в 4:00 нас все подняли по тревоге. Выдали сухой паек. Туда входили: сухари, сахар рафинад, похожий больше на ледяшки голубоватого цвета в виде кусков больших размеров, 2 банки свиной тушенки, и буханка черного формового хлеба. Продукты мы сложили в вещмешки, а скатки шинелей решили оставить. Ноша у каждого была очень тяжелой. Нас построили, и ротно, и взводно быстрым шагом повели за черту города, где нас уже ожидали траншеи и противотанковые рвы. Мы заняли оборону наверху идущей магистрали Днепропетровск-Запорожье на расстоянии 5-6 км от города Запорожье.

Прямо под нами проходил тоннель, а левее от наших позиций находилась деревня Каменка. Противотанковые рвы шириной 5-6 метров и глубиной 3 метра со стоящими перед ними в три ряда крестовинами, сваренными из металлических рельсов, должны были задержать противника.

Сзади за нами разместили замаскированные противотанковые пушки. Вокруг нас по всему участку находилось кукурузное поле с кукурузой в рост человека. Все это тоже хорошо нас маскировало. Связь была налажена, и мы готовились встретить фашистов со стороны Запорожья. Все очень волновались, т.к. были новичками, и это должен был быть наш первый бой. Мы понимали, что для многих он станет единственным и последним. Все ждали....

Вскоре со стороны Запорожья мы услышали нарастающий гул самолетов. Они летели на низкой высоте и ревели так, что нам казалось, что их там целые тысячи. Самолеты были тяжелыми от смертоносного груза, который был в каждом из них, поэтому их рёв становился сильнее во много раз. Мы увидели в небе четкий строй из 25 машин, который стремительно приближался к нашим позициям. Чтобы сбить нас с толку, они зашли со стороны солнца в наш тыл, и начали по очереди переходить в пики, включая свои сирены. Ужас был такой, что мы уже не понимали, откуда и что воет. Бомбы, которыми они начали нас забрасывать, при падении издавали свистяще - воющий звук, плюс вой самих самолетов вместе создавали страшный звук. Вокруг взрывались бомбы, земля фонтанами взлетала вверх, засыпая нас в траншеях. Криков умирающих людей невозможно было услышать. Все смешалось: и люди, и снаряды, и земля. Немцы перепахали все кукурузное поле, включая наши пушки. 20-30 минут длился этот кромешный ад, Мы думали, что пришел конец, но в это время со стороны г.Днепропетровска появились наши истребители. Их было 8-10 штук. Маленькие и юркие, они зашли в хвост неповоротливым бомбардировщикам и начали свою работу. Быстро сбив пару немецких машин, они заставили немцев развернуться и улететь в сторону Запорожья.

Солдаты, наблюдавшие за небесным поединком, кричали и плакали от радости. В этом страшном бою, в бомбежке, погибло очень много наших

бойцов. Многие были серьезно ранены, а связь была уничтожена. Пушки повреждены или уничтожены.

Но плакать было некогда, т.к. ждали наступление немцев с земли. Поэтому оставшимися силами по кусочкам кое-как восстановили связь, убрали убитых и раненых. Когда в небе появился немецкий самолет – разведчик, он развернулся над нашими расположениями и улетел. Тут же послышался рев моторов, и со стороны Запорожья по магистрали на большой скорости к нам приближались немецкие танки, на брони которых сидели десантники в маскировочной форме. Не доезжая до нашей обороны метров 600, они резко повернулись, и развернутым строем пошли на наши позиции. Нам была дана команда «Не стрелять» до особого указания, поэтому мы, измученные недавней бомбежкой, с ужасом наблюдали, как более 20 танков приближаются к нам. Многие оборонительные крестовины были уничтожены, рвы засыпаны землей, поэтому наше заграждение уже не представляло собой ничего серьезного для такой техники.

Когда до наших позиций оставалось около 60-80 метров, артиллеристам поступила команда открыть огонь. Немецкий десант спрыгнул с танков и, прячась за ними, пошли в наступление. Их встретила огнем наша пехота и артиллерия. Несколько танков удалось подбить сразу, другие рвались вперед. Завязался бой. Вскоре немецкие десантники схлестнулись с нашими солдатами, а с их танками разбиралась наша артиллерия.

Несмотря на то, что заградительные сооружения были серьезно повреждены, они выполнили свою миссию. Некоторые танки, двигаясь по земле, где были присыпанные землей противотанковые рвы, проваливались в них глубоко. Некоторых остановили крестовины, а остальные развернулись обратно.

Вот так закончился мой первый в жизни бой. Мы уставшие и опустошенные смотрели на бывшее кукурузное поле, усеянное телами наших товарищей, многие из которых взяли винтовку в руки первый раз в жизни. Многие даже не успели ни разу выстрелить, как их накрыло бомбой или снарядом, а вместо тел - месиво из обрывком одежды и крови, опознать которых будет не просто.

Но жизнь продолжается, и после восстановления связи и расчистки поля боя, нам доставили ужин. Никогда не думал, что после пережитого и увиденного смогу еще кушать. Вместо недавнего батальона к ужину осталась рота, а вместо взвода - трое солдат.... **Вечная память тем, кто остался на том поле.**

Около полуночи к нам на смену прибыло большое пополнение из кадровых военных. А нас отправили в город, в казармы, где мы, не раздеваясь, попадали на кровати и мгновенно уснули..

11 июня отдых был не долгим, и в 6:00 объявили подъем. Будить многих приходилось с трудом, таская за ноги, шлёпая по щекам. Мы испытывали невероятную усталость и опустошенность после всего пережитого. Была радость, что остались живы, но воспоминания о том, какой ценой произошло это чудо, не отпускало меня и других ребят...

После сытного завтрака на построении нам сообщили, что этой ночью под Днепропетровском немцы выбросили десант из нескольких сотен человек, переодетых в красноармейские формы. Задача десанта состояла в создании панических настроений у населения, наблюдение за продвижением наших войск, световая сигнализация о важных объектах. А самое главное - оказать всяческое противодействие взрыву транспортного моста через Днепр отступающими советскими войсками. Перед нами была поставлена задача - патрулировать город, разъяснять жителям о возможных диверсиях, призывать население к бдительности и спокойствию. Чтобы не ошибиться

самим, мы получили пароли, которые менялись каждые четыре часа. Нам выдали по карабину с 50-60 патронами, несколько гранат, две из которых должны были висеть за поясом, а остальные - лежать в вещмешках. Вот и все наше вооружение. Мы двинулись по ул.Ленина в сторону Днепра. Военных людей было очень много, все двигались по направлению к транспортному мосту. Обнаружить среди них диверсантов было невозможно. Тут мы заметили в метрах 300 от нас взвод военных, направляющихся к мосту. Многие из них были перебинтованы, формы заляпаны грязью, вооружены нашими карабинами и гранатами. А за ними следовал взвод со знакомым командиром, который незаметно сообщил нам, что это и есть переодетые немецкие десантники. Им позволили дойти до середины моста, а затем, окружив их кольцом, часть немцев была уничтожена, а многих взяли живыми в плен. В этой операции погибло много и наших солдат во главе со знакомым нам командиром. Мы похоронили ребят на левом берегу Днепра рядом с мостом. А ночью нас уже перебросили на другой берег Днепра, и началась долгая битва за Днепропетровск. В город уже ворвались немцы, которые держались очень стойко. Днепропетровск периодически переходил от нас к немцам до тех пор, пока сюда не подтянули много техники и советских войск, основные силы наши которых периодически атаковали. Сама же линия фронта в районе Днепра не была карточно-идеальной. Её прерывали в нескольких местах фашистские войска, которым удалось уйти вглубь страны достаточно далеко. Немцы захватывали маленькие населенные пункты, небольшие города и сёла, и всячески их удерживали. Днем они отслеживали и уничтожали наших солдат, старались обнаружить запрятаные расположения советских войск. Поэтому мы совершали свои вылазки только по ночам, а днем прятались, как могли.

Это был очень затяжной период обороны. Мы несли большие потери своих войск, а также своих территорий. Так, со слезами на глазах, нам пришлось оставить на поругание фашистам такие наши города, как

Новомосковск, Павлоград, Лозавая, Купянск, Борисоглебск и др. Жители с презрением и непониманием смотрели на нас, когда мы, грязные и оборванные, покидали эти места. Было очень тяжело не только физически, но и морально осознавать свою беспомощность. Многие ребята не выдерживали и убегали, чтобы остаться в каком-то поселении. Их никто не возвращал, поскольку понимали, что от этих солдат уже нечего требовать. Сила воли и терпение у всех разные, а такие ужасные условия выдержать мог не каждый.

Чтобы все правильно понимали, хочу привести такой пример. Я очень подружился с первых дней войны со своим земляком - Володей Березовенко. Парень был отличный, и друг - просто замечательный. Мы старались держаться друг друга, и не теряли из виду один другого. Поскольку последнее время мы больше отступали и делали это по ночам, чтоб нас немцы не засекли, ходить приходилось очень много. В то время как назло, постоянно шли дожди, а отступали мы по лесам, полям, болотам. Идти было очень тяжело. Сапоги, полные воды. Ноги стерты в кровь до костей. А нужно было еще нести амуницию, которая состояла из вещмешка с 200-300 патронами, десятка гранат, винтовки, патронов, саперной лопатки, противогаза и плащ-палатки.

Мой друг Володя получил сапоги не своего размера и очень стер ноги. Кровавые мозоли полопались, образовались страшные раны, которые начали нагнаиваться. Каждый шаг ему давался с большим трудом и стоном, а амуницию не было сил нести и вовсе. Он постоянно спотыкался и падал. Мне было тоже очень тяжело, т.к. тоже ноги были сбиты, а усталость буквально валила, но я взял его вещмешок и понес, потому что понимал, что иначе никак нельзя. Он мой боевой товарищ, и его надо выручать. Володя плелся рядом и сказал, что больше он не может и останется в первой же станице, которую встретим. А мы шли по Кубани. Я понимал, что принять такое решение и так поступить - это равносильно предательству Родины. Но я не мог его осуждать, потому что понимал, что он знает, на что себя обрекает. От

обида и отчаяния за друга, я тоже шел и плакал. На привале я обратился к нашему командиру и рассказал о ситуации с ногами друга и о том, что я несу все вещи за него и за себя, чтобы только помочь товарищу. Командир внимательно выслушал, осмотрел ноги друга и посоветовал мне поговорить с обозными, которые нас сопровождали. Обозы были набиты доверху, но может удастся как-то высвободить местечко для Володи. Я последовал этому совету, и мы, кое-как втолкнули на обоз Володю. Ноги ему обработали санитары и перебинтовали. Но его амуницию вместе со своей, по-прежнему, пришлось нести мне. Было очень тяжело, казалось, нашему пути не будет конца и края. Успокаивало то, что мой друг сидел на повозке и был рядом. А мы избежали страшных последствий его поступка и сохранили бойца и друга.

Через несколько суток раны на ногах товарища затянулись, и он смог самостоятельно идти и нести свои вещи. Наша дружба стала еще крепче.

Была глубокая осень 1941 года. Мы подошли к Борисоглебску. Наш батальон расформировали, и мы с Володей попали в 342-ю стрелковую дивизию 1148 стрелкового полка, в разведвзвод при штабе полка.

Оборона Москвы

В ноябре 1941 года нас погрузили в железнодорожный состав и повезли в сторону Москвы под Серпухов, где готовилось большое наступление наших войск, стоящих в обороне столицы. Город Серпухов в то время был занят немцами, которые торопились любой ценой до зимних холодов взять Москву, чтобы на октябрьские праздники пройти парадом победителей по Красной площади. 7 ноября 1941 г. с поздравлениями и обращением ко всем гражданам СССР и воинам, находящимся на Красной Площади, выступил Главнокомандующий вооруженных сил СССР И.В.Сталин, который сказал, что фашистам никогда не взять Москву, а увидеть её они смогут только пленными. Сам Сталин тоже не покинет столицу и будет до победного конца со своим народом. Все присутствующие на параде солдаты и офицеры дали клятву отстоять Москву даже ценой собственной жизни.

Немцы, окружившие Москву, подтягивали все новые и новые силы, технику, вооружение. Мы, в свою очередь, тоже готовились к контрнаступлению: укрепляли свои позиции, распределяли новую технику, перевооружали бойцов.

Шёл декабрь 1941 года, Зима давала о себе знать усиливающимися морозами и появившимся снегом. Мы знали, что немцы не подготовлены вести боевые действия в условиях зимы, поэтому радовались, что природа нам помогает. 5 декабря в 4:00 утра все приготвились к наступлению. Утро было морозным с сильным ветром. Шел мелкий снежок. Наши солдаты были переодеты в зимнюю форму. Но на ногах были ботинки с обмотками, поэтому было холодно. Вооружены мы были винтовками-трехлинейками со штыком, карабинами, ручными пулеметами и гранатами. Всем раздали сухие пайки, поскольку завтрака не было, и НЗ (пайки неприкосновенного запаса -

сухари, сахар и 2 пакета горохового супового концентрата). Командиры нам сказали, что позавтракаем в фашистских окопах.

Все ждали сигнала к наступлению. Ударила залпом наша артиллерия из минометов всех калибров. Их было так много, что казалось, все вокруг превратилось в какой-то страшный рёв. Не было слышно ничего. Немецкая сторона пока молчала. А у нас, у солдат, стоящий рёв, несмотря на страх и ужас, вызывал огромную радость. Мы понимали, что многие из нас не вернутся живыми после этого боя, многие будут ранены, кому повезет - останутся целыми. Но такая наша участь - защищать свою Родину. На то мы и мужчины и бойцы Красной армии. Настроение было приподнятое и боевое. Кто-то из ребят предложил съесть прямо сейчас паёк НЗ, чтоб не пропал в случае чего, или не достался фашистам. Да и лишний вес к тому же. Лучше патронов или гранат взять ещё. Шуткой поделились с командиром, но он категорически запретил трогать НЗ. Голод - не тётка, а молодость требует еды, и мы, в том числе и я, потихоньку начали доставать и поедать сухари с гороховым концентратом. А там и сахарок в ход пошёл. Снегом всё это запили и были очень довольны. Артподготовка длилась больше 2-х часов. Минометы углубились к позициям немцев, и мы уже ничего не видели, что там происходит. Стояла сплошная завеса из дыма, снега и земли. Затем пошли наши танки с десантом на броне, а следом за ними двинулась пехота - матушка. Мы бежали с криками «Ура!», стреляли из всего, чего можно. Наши белые маскировочные халаты стали черными от гари, грязи и земли. Мы на ходу срывали с себя противогазы, чтоб легче было бежать, и бросали их на землю. Над нашими головами в небе плотными группами летели самолёты штурмовики. Рёв стоял такой, что трудно даже представить. Казалось, на землю пришёл настоящий ад. Вот так, 5 декабря 1941 года одним сплошным рывком всех вооруженных сил мы прорвали укрепленную, хорошо спланированную немецкую оборону. Кругом валялись тела убитых и раненых солдат. Немцы бросали оружие, технику и все прочее, и убегали.

Появились и первые немецкие военнопленные. Они были одеты в какие-то лохмотья, многие закутаны в женские шерстяные платки, кофты. Зрелище было и смешным, и грустным. Вот как фрицы увидели Москву. Немецкие самолеты появились только после обеда, и были атакованы нашими авиацией и артиллерией. Поэтому они быстро разворачивались, кто уцелел, и возвращались назад.

С нашей стороны было тоже много раненых и убитых. Но война есть война. Без этого не бывает. Зато мы прорвали немецкое кольцо и углубились на свою территорию на 30 – 40 км. Обедали на ходу. Уставшие, но в хорошем настроении, мы еще долго гнали и добивали фрицев. Мы на ходу разбирали немецкие продовольственные обозы и лакомились их деликатесами. Копченые колбасы, голландский сыр, шоколад, консервы рыбные и мясные и другие вкусности ели сами и раздавали жителям окрестных сел и деревень. Мы это заслужили сполна. Немцам не дали закрепиться, отбросили их на 400 - 500 км назад, освободили Московскую, Брянскую, Смоленскую и Тульскую области, закрепившись в обороне под освобожденным городом Билево. После этих боёв фашисты не могли долго опомниться, аж до февраля 1942 года.

Зима в том году была очень суровая. Морозы доходили до 30 – 35 градусов. Мёрзли не только немцы, но и мы. Обмундирование сильно изорвалось и поизносилось. Взять одежду было негде. Деревни, брошенные фашистами, были почти полностью сожжены. Колодцы завалены трупами жителей деревень и наших бойцов. Поэтому воду приходилось добывать из талого снега. Суточные пайки мерзлого хлеба составляли 300-350 граммов и от голода спасали мало. Иногда давали банку тушенки на 20 человек. Крупы тоже не хватало. 50 граммов перловки на сутки в расчете на одного бойца – вот и весь наш паёк. Не лучшим образом обстояли дела и с вооружением. На роту было всего 25 винтовок и один ручной пулемёт, который от мороза не хотел работать. Солдат тоже было очень мало. Поэтому оборонительные

точки находились друг от друга далеко, на расстоянии 400 - 500 метров. Стояли мы на них по два часа по очереди, а потом прятались в вырытых норах или заброшенных погребках. Иногда под снегом удавалось найти и откопать замерзшие трупы убитых лошадей. Мы, отбросив всякую брезгливость, варили их на кострах и ели. Недаром говорят, что голод - не тётка. Он человека заставляет и не такое есть... Желудки наши часто протестовали против такой пищи и не хотели её переваривать, но потом, как будто понимая, что другого не дадут, учились терпеть. Удивительно, что никто из нас, находившихся в таких нечеловеческих условиях, не болел никакими простудными заболеваниями. Да... Человеческий организм — штука странная. Вот так держали оборону замерзшие и голодные бойцы Красной армии.

Как-то в конце февраля в наши землянки заползли разведчики, вернувшиеся с задания. Когда они увидели, что мы пьем талый снег, то рассказали, что недалеко от наших оборонительных точек, на нейтральной полосе, течёт незамерзающий ручей с очень вкусной и чистой водой. Но они обнаружили немецкие следы, которые говорят, что немцы по ночам тоже ходят к этому ручью за водой. Так чтобы мы должны быть осторожными. Эта новость очень обрадовала бойцов, и мы решили продумать план проникновения к ручью. Всем надоела грязная и вонючая талая вода.

На следующую ночь мы организовали разведку на поиски указанного ручья. Он там действительно был, и вода в нём оказалась такой вкусной, что мы не могли ею напиться. Так мы стали каждую ночь ходить за водичкой. Мы видели немецкие следы и понимали, что они тоже сюда ходят. Но с самими фашистами встретиться какое-то время у нас не получалось. И вот одному из нас пришла в голову мысль - сходить за водичкой днём и посмотреть, что будет, и как отреагируют немцы. Командиру ничего не сказали, а сами потянули на спичках, кому пойти. Стали собирать Матвея Сорокина, которому выпала эта миссия. Взял он с собой большой

брезентовый мешок и несколько фляг. В карманы положил гранаты - лимонки и, на всякий случай, одну дымовую гранату. Больше никакого оружия решил не брать. Одели мы его в белый маскировочный халат. И часов в 12:00 дня он выполз из окопов. Мы все приготовились пустить в дело своё оружие, если понадобится прикрыть товарища. Сорокин, вопреки нашим ожиданиям, поднялся во весь рост и, размахивая ведром в разные стороны, вразвалочку неспешно пошёл по старым следам в сторону ручья. Мы все замерли. Он шел медленно, оглянулся один раз и пошёл снова. Остановился у ручья, зачерпнул ведром воды, затем стал наполнять фляги. Выпрямился в полный рост, отпил водички, затем присел на корточки и закурил самокрутку. Светило солнце, мороз был не ниже 25 градусов. Но мы от напряжения были все мокрые. Стояла полная тишина. Немцы, конечно же, видели Сорокина и все его действия, но тоже молчали. Наверное, были в недоумении от происходящего. А Матвей докурил самокрутку, собрал все емкости с водой и пошел медленно назад. Он не оглядывался и не торопился. Что творилось в душе этого человека в ту минуту, можно только догадываться. Когда он вернулся, мы бросились к нему с поздравлениями, а командир, похвалив за смелость, велел выделить внеочередные 100 г спирта. С того дня в одно и то же время мы по очереди стали днём ходить за водой. Немцы нас видели, но ничего не предпринимали. Так продолжалось до марта 1942 года. И вот в один прекрасный мартовский день, когда снежок уже немного подтаял, а солнышко светило ярко, наш боец сходил на ручей немного раньше обычного. Благополучно вернулся назад с полными ёмкостями воды. Мы все заняли свои позиции и наблюдали. Вдруг с немецкой стороны показалась фигура солдата. Он шёл в сторону ручья. В руках держал два ведра, а одет был в обычную немецкую военную форму. Он подошёл к ручью, остановился, постоял, покрутился во все стороны и, так и не набрав воды, пошёл обратно. Мы все замерли в недоумении. Что же означало такое поведение фрица, почему он пришёл в дневное время, но воду не набрал? Похоже, он ждал солдата с нашей стороны. Но зачем? Мы долго

обсуждали это событие и решили на завтра в это же время отправить на нейтралку к ручью своего бойца - украинского учителя немецкого языка. Если вдруг произойдет встреча с немцем, то он сумеет узнать, чего же они хотят. На следующий день к обеду мы освободили ведро для воды и стали ждать появления немца. Не прошло и часа, как со стороны немецкой обороны показалась фигура немецкого солдата. Он был один. В одной руке нес 2 пустых металлических ведра, а другой – просто размахивал. Как только мы его увидели, наш солдат по фамилии Пшенко быстро набросил маскировочный халат, предварительно засунув в карманы пару гранат, схватил два ведра и направился медленной походкой в сторону ручья. Они шли навстречу друг другу, но пока не видели один другого. Немного не дойдя до ручья, немец заметил нашего солдата и резко остановился. Казалось, он был в замешательстве. Наш боец тоже увидел немца и остановился. Так они смотрели друг на друга на расстоянии и не трогались с места. Затем немец достал свободной рукой из кармана губную гармошку и, наигрывая какую-то мелодию, подошёл к воде и начал одной рукой зачерпывать ведром воду. Ведро было наполнено наполовину, когда к ручью подошел наш солдат. Они стали о чём-то говорить на немецком языке. Позже мы узнали, что Пшенко спросил у немца, долго ли они собираются сидеть в обороне, и не пора ли им возвращаться домой. Война проиграна. Это всем очевидно. Немец был удивлен, откуда русский так хорошо знает их язык. А насчет дальнейшего пребывания в Союзе, сказал, что им эта война тоже не нужна: они устали и хотят домой. Но Гитлер отдал приказ любой ценой взять Москву, и только тогда можно рассчитывать на возвращение в Германию. Немец хотел еще о чем-то сказать, но Пшенко уже набрал себе воды и собрался возвращаться назад, когда немец попросил его дать закурить. Пшенко достал расшитый кисет с махоркой, оторвал кусок газеты для самокрутки и протянул солдату. Тот повертел в руках и сказал, что не знает, как всем эти пользоваться. Тогда Пшенко свернул самокрутку, набив её махоркой потуже, и, чиркнув огнем, прикурил. Немец смотрел на все эти действия, широко открыв глаза. Он

спросил, как называется такое приспособления для курения. Не задумываясь, боец ответил: «Катюша». Немец засмеялся и протянул свою губную гармошку в подарок за угощение. Пшенко гармошку взял и, в свою очередь, подарил немцу свой кисет с надписью «Возвращайся живым», расшитый его матерью. Солдаты попрощались и пошли каждый в свою сторону. Когда мы узнали все подробности их беседы, то поняли, что простые немецкие солдаты – люди подневольные, и тоже хотят домой, и не хотят воевать. Но приказ есть приказ.

Долго нам ходить за водой днём не пришлось, так как высшее начальство узнало о наших встречах с немцами и пригрозило серьезным наказанием. Поэтому воду ходили набирать мы только по ночам и больше с немцами не пересекались. Паёк нам стали увеличивать. Шла подготовка к весеннему наступлению, которое началось 28 марта 1942 года.

В 5 часов утра силами двух дивизий нашей армии началась артиллерийская подготовка по всей оборонительной линии. Через пару дней после массированного наступления наших войск, мы отбросили немцев на 60 - 70 километров назад, и дошли до г. Мценска. Много немцев было взято в плен. Освобожденные поселки и города представляли собой страшное зрелище. Вздущие трупы лошадей и людей, сожженные дома, заваленные колодцы и изможденные голодом и страхом люди – вот что оставили после себя захватчики. Здесь мы простояли в обороне до мая, когда нам на смену прибыли новые солдаты, а нас отправили в Гороховецкие лагеря для дальнейшего переформирования. Жили мы там в полевых условиях, питаясь различными дикоросами, поскольку пайки были очень скудными, и мы все время хотели кушать. Там я познакомился со своим лучшим другом на всю оставшуюся жизнь - Андреем Бакланом из Сумской области. Помогали выжить друг другу, как могли. В апреле 1943 г. меня и еще одного бойца вызвал к себе командир и сказал, что нас отправляют на курсы командиров взвода в г. Мичуринск. Мы этому очень обрадовались, и в срочном порядке

отправились на станцию, где сели на товарный поезд. Через двое суток мы прибыли в г.Мичуринск, где прозанимались на курсах до июня 1943 года, пока нас в спешном порядке не отправили на Курскую дугу, где готовилось большое сражение.

Курская битва

Мы заняли оборону на реке Оке. Для наступления готовилось большое количество военной силы, подтягивалось много техники и войск. Подготовка велась как с нашей стороны, так и с немецкой. Немцы заняли высоту, откуда хорошо просматривались наши позиции на 20 – 30 км. По ночам, когда на нашу сторону подгонялись основные военные ресурсы, немцы частенько начинали обстрел, который заканчивался для нас большими потерями. Командование решило взять эту высоту, занятую фашистами, и объявило о подготовке операции «Высота». По ночам мы налаживали переправы через реку, которые могли бы выдержать не только пехоту, но и военную технику. Дату и время операции не сообщали никому. Нам всем выдавали дополнительное вооружение.

5 июня 1943 года в 4 часа утра наши «Катюши» начали атаку. Они атаковали не только передние линии немецкой обороны, но и углубились далеко вглубь. Вскоре за «Катюшами» к бою присоединились наши минометы всех калибров, а нам была дана команда к переправе на другой берег. Так, под прикрытием нашей артиллерии, мы переплывали Оку. Немецкая оборона была очень сильно укреплена и состояла из восьми линий, на которых были построены доты и дзоты, заполненные пушками и пулеметами. Немецкие танки были замаскированы и присыпаны по самые башни. Они тут же двинулись навстречу нашим войскам. С воздуха немцев поддерживала авиация, которая сплошным огнем косила подступающую пехоту. Мы, с криками «Ура!» бросились на самую первую линию немецкой обороны. Из укрытий выскакивали немцы и косили нас автоматным огнем. После наших «Катюш» жертв у них было много, но и много фашистов были живы и не сдавались до последнего. Мы вступили с ними в рукопашный бой. В ход шли и гранаты, и штык - ножи. Каждая линия вражеской обороны прорывалась с большим трудом и большими потерями с обеих сторон. Наша

61-я армия 342 стрелковая дивизия и 1148 стрелковый полк героически дралась за каждый метр земли. Причем, чем дальше мы прорывались вглубь немецкой обороны, тем сильнее там были укрепления. Рёв самолетов, взрывы снарядов, рёв танков и человеческий крик не прекращались. Казалось, что мы находимся в каком-то аду, которому нет конца. Никто не думал о себе и о том, останется ли в живых. Мы все были одной ревущей массой, которой двигало желание выжить и победить любой ценой. Очень хотелось пить, но воды не было. Фляга была пробита, и вода вся вытекла. Мы прорывались с боем вперед, и дошли всего лишь до третьего немецкого оборонительного кольца. Казалось, что всё длилось уже очень долго, и силы были на исходе. Но снова команда «Вперед!», и мы ползком двигались дальше. Между третьей и четвертой оборонительными линиями мне пришлось вступить в рукопашный бой с двумя немцами, которые дрались с моим боевым товарищем. Треснув прикладом одного из них по голове, второго быстро пристрелил очередью из автомата. Затем, подняв своего раненого товарища, добил первого фрица. Жалости не было. Была злость и ненависть. Наши танки утюжили по земле недобитых немцев, вокруг лежали горы убитых солдат. Страшное зрелище.

По команде мы продолжали продираться к четвертой линии. Немцы нас встречали пулеметным огнём, но мы метр за метром пробивались вперед. Вдруг послышался крик: «Немцы окружают!», была и дана команда - отступать назад. Мы начали отползать, несмотря на прицельный огонь. Мы вскочили на ноги и побежали назад, к реке. Задние напирали на передних, которые падали и оказывались растоптанными бегущими солдатами. Командование пыталось остановить эту бегущую обезумевшую толпу, но все было бесполезно. Если до третьего оборонительного немецкого кольца мы пробивались почти 7 часов, то назад к реке мы добежали за 1 час и по переправе вернулись на свои прежние позиции. Так позорно была закончена операция «Высота».

Командование начало разбираться в произошедшем. Оказалось, что всё случилось по вине одного солдата, который заорал, что немцы окружают, и все повернули назад отступать. Случилась страшная паника, в результате которой было не закончена операция, потеряно много техники и людей. Нас построили в две шеренги без оружия. На центр вывели горе-солдата и зачитали приказ, в соответствии с которым за паникерство и трусость, приведшие к большим потерям и срыв операции «Высота», по закону военного времени этот солдат (звали его Андрей) приговаривается к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение прямо у нас на глазах. Как всё произошло, и почему он так закричал, я не знаю. Но было очень жалко смотреть, когда он стал на колени и начал просить у всех прощение за случившееся со слезами на глазах. Так 20-летний боец бесславно закончил свою жизнь, а мы - первую попытку взятия Высоты. У всех на душе было очень тяжело.

Нам выдали сухие пайки и перевязочные материалы, боеприпасы и отправили назад к Оке, на передний край, туда, откуда мы начинали операцию «Высота». Там, после быстрого перекуса, мы стали дожидаться утра, чтобы снова повторить неудачную попытку взятия Высоты. Ко мне подошёл наш старшина и стал благодарить за то, что я помог ему отбить тех двоих немцев, которые его уже добивали. В знак признательности он снял свои часы и протянул их мне. Я поблагодарил и отказался от такого дорогого подарка, тем более, потому, что у меня были уже хорошие трофейные часы. Я сказал, что мы должны выручать друг друга. И неизвестно, что может произойти следующий раз. Но старшина не хотел уходить и сказал, что за свою спасенную жизнь очень хочет что-нибудь дать мне на память. Он снял с груди значок «отличный разведчик», которым был награжден за взятие важного языка, и прикрепил его мне со словами: «Ты его заслужил. Ты отличный боец и разведчик и друг. Носи его и вспоминай этот бой и меня».

Я был, конечно, очень растроган и благодарен за такой подарок, который я сохранил на всю свою жизнь.

8 июня 1943 года в 4:30 утра мы все находились на исходном рубеже и ждали сигнала к наступлению. Утро было тихим и теплым. Взошло солнышко и осветило висящую над Высотой «колбасу». Раньше мы такого не видели. Оказывается, немцы запустили высоко в небо дирижабль, на котором устроили наблюдательный пункт.

В 6:00 дружным залпом начали атаку наши «Катюши». По сравнению с предыдущей атакой их было гораздо больше. К ним присоединились минометы, пушки разных калибров. Почти одновременно ринулись вперед танки. Грохот начался такой, какого еще с начала войны мы не слышали. Летела земля в воздух, а небо, казалось, летело на землю. Вскоре наши орудия сбили висящую над немецкой обороной «колбасу». По команде вслед за танками поднялась пехота и побежала с огнем в сторону немецкого тыла. Операция «Высота» набирала обороты со страшной силой.

Накануне, по приказу командования часть нашего полка была преобразована в огнеметный расчет, куда попал и я. Нам выдали ранцы, в которых образовывалась горючая смесь, выталкиваемая под сильным давлением наружу. Страшная струя огня сжигала все на своем пути. Мне повесили этот ранец на спину, и я в числе других огнеметчиков поливал огнем всех на своем пути. Нести его было тяжело и опасно для самого солдата. Дело в том, что если в этот ранец попадала пуля и пробивала его, то происходило немедленное возгорание. Поэтому чтобы оперативно его сбросить с плеч, нам велено было не застегивать крепежные лямки на груди. Огнемет скользил, постоянно пытался свалиться с плеч. В общем, еще то оружие. Часам к 12:00 мы подобрались уже достаточно близко к Высоте, когда у нас в ранцах закончилась горючая смесь. Мы побросали бесполезные огнеметы и побежали вперед, строча из своих автоматов. До самого вечера

мы дрались за каждый метр земли этой Высоты. Немцы настолько хорошо укрепили свои позиции, что даже наша многочисленная техника продвигалась вперед с большим трудом. Высоту мы взяли с большими потерями. В этих боях был смертельно ранен наш любимый старшина, которого я спас в прошлый раз. Хоронили мы своих товарищей на этой Высоте со слезами на глазах и клятвами отомстить фашистам за их смерть.

Вечная им память.

Тогда я был зачислен в огнеметную роту 342-й стрелковой дивизии 1148 стрелкового полка, которая пополнилась новыми силами молодых бойцов. После освобождения Брянской области мы подошли вплотную к Беларуси и стали готовиться к ее освобождению.

Освобождение Беларуси

Первым населенным пунктом БССР, который мы освободили, была дер. Янова. Все дома были сожжены, а остатки населения прятались в погребах и землянках. Когда они стали выходить наверх, то мы не смогли смотреть на людей без слез. Худые, бледные и оборванные, они набрасывались на еду, благодарили нас, плакали и смеялись. Белорусские крестьяне рассказывали, какие ужасы им пришлось пережить при немецкой оккупации, каким издевательствам они подвергались, как жгли и убивали детей на глазах у матерей, как вешали односельчан. Мы слушали и еще больше начинали ненавидеть фашистских гадов, которые творили такие зверства. Но страшнее немцев были свои полицейские прислужники, которых население боялось не меньше, а даже и больше фашистов. Иногда кому то удавалось убежать к партизанам, которых было много в Брянских лесах. Они периодически устраивали диверсии в немецком тылу и держали немцев в постоянном страхе. Так с боями мы форсировали реку Сож и продвигались по магистрали Гомель - Могилёв в сторону Рогачёва. Шаг за шагом мы освобождали города и поселки, которые после своего отступления немцы старались сжечь максимально. В 5 км от дер. Заболотье мы заняли оборону и ждали подкрепления. Поскольку нам предстояло прорвать оборону фашистов в направлении Бобруйска, мы ждали поставки техники и оружия. Нашему полку было дано задание - прорвать немецкую оборону в районе трассы Рогачев - Бобруйск, зайти немцам в тыл и добить их там. Мы заняли исходный рубеж для броска и решили использовать дымовые гранаты. Немцы ожидали наше наступление и подтянули много техники. Не дожидаясь нашего наступления, немцы первыми открыли огонь по нашим пехотинцам. По команде мы забросали немцев дымовыми гранатами, а сами ринулись в наступление. Немцы сопротивлялись отчаянно. Больше недели мы держали круговую оборону и не могли пробиться дальше. Но тут нам на помощь из лесов пришли партизаны. Общими силами мы прорвали

немецкую оборону и взяли фашистов в кольцо. Потери были очень большими с двух сторон. Тогда мы взяли много пленных, и с боями стали продвигаться дальше, освобождая белорусские города и сёла. В районе дер. Павловичи мы заняли оборону и стали готовиться к большой операции под названием «Багратион».

18 июня 1944 года состоялось знаменательное событие: меня и моего фронтового друга Володю Березовенко приняли в члены Коммунистической партии Советского Союза (КПСС). При получении партийных билетов мы с другими бойцами поклялись, что будем бить фашистов до последней капли крови, пока не загоним этого зверя в его логово.

28 июня 1944 года в 4:00 было начато наступление залпами «Катюш», минометов и всех видов орудия. Началось масштабное сражение по освобождению Беларуси. Наша дивизия стала обходить город Бобруйск с юго-запада. В то время другие дивизии подступали с северо-востока и северо-запада. Образовался так называемый «Бобруйский котел». Как немцы ни старались вырваться из этого котла, но к вечеру 29 июня Бобруйск был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. Мы были зачислены в 1-ый Белорусский фронт, которым командовал маршал Рокоссовский. Так началась операция «Багратион», в результате которой были освобождены Паричи, Озаричи, форсирована Припять, взято направление на Калинковичи и Мозырь.

Спустя пару недель мы приблизились к украинской границе и заняли оборону в небольшом городке Житомирской области - Коростынь, который был узловой станцией. Наша рота оказалась здесь единственной и получила задание производить задымление этого железнодорожного узла, чтобы немецкие самолеты не могли обнаружить находящиеся там эшелоны с техникой и людьми, идущие на фронт. Я был назначен командиром отдельной точки (специальной установки). Она представляла собой

огромную цистерну на колесах, внутри которой под давлением была закачана кислота, которая при соединении с воздухом образовывала большое облако дыма, покрывавшего до 800 метров поверхности. На мне был защитный костюм, резиновые сапоги и высокие резиновые перчатки. На лицо надо было надевать противогаз. Но поскольку в нем очень тяжело дышалось, противогазами мы все часто игнорировали. И вот однажды произошел такой случай. Мы выполнили команду «Задымление», в результате которой вся станция была покрыта плотным туманным облаком. Немцы не попали ни в один эшелон и улетели. Мы начали отключать свои установки, но это не происходило мгновенно, т.к. внутри баллонов было высокое давление. Мимо нашей установки проходила дорога на аэродром, по которой в эту минуту ехала открытая машина с летчиками. Чтобы их не повредило это кислотное облако, которое еще вырывалось из цистерны, я руками зажал отверстие воздуховода. Но удержать долго мне не удалось, и кислота под давлением вырвалась наружу прямо мне на лицо. Я закрывал руками глаза и лицо, что мог, но это мало помогло. Лицо мгновенно покрылось волдырями, от боли я кричал во всю глотку. Ко мне подбежали наши бойцы, начали брызгать водой, звать санитаров. Кто-то побежал к населению и принес кусочек сливочного масла, которым намазали мне лицо. Стало немного легче, но боль была всё равно невыносимой. Меня, покрытого волдырями, быстро отправили в медчасть, где начались еще большие мои страдания. Волдыри вскрыли, смазали лекарством, а лицо полностью забинтовали. Через пару дней повязку сняли и начали обрезать кожу от волдырей. Затем снова наложили повязку и оставили заживать. Так повторяли несколько раз. Когда в очередной раз меня разбинтовали, то увидели, что рубцы никуда не исчезают, а лицо, особенно в районе подбородка, остаётся обезображенным. Тогда меня положили на стол, держали за ноги и руки и стали какой-то шлифовальной машинкой снимать кожу на лице. Я думал, что не выдержу этой боли, от которой терял сознание и даже обмочился. Окровавленное лицо обработали мазями и снова забинтовали. Эту шлифовку они повторили через

несколько дней. Хотели, чтоб выросла молодая новая кожа на месте прежней.

Такое издевательство я решил больше не терпеть и искать возможность удрать из этой санчасти. Я думал, как забрать свое обмундирование. Рядом со мной лежал раненый сержант, который уже готовился к выписке. Он подкручивал романчик с медсестрой. Вот я и обратился к нему за помощью. Мол, я тебе отдам свои, почти новые хромовые сапоги, которые выменял у одного мужика за тушенку и сахар, а он пусть договорится со своей знакомой, чтоб помогла мне бежать, предварительно забрав мои вещи. На следующее утро мы провернули это дело. Я счастливый, хоть и не долеченный, с забинтованным лицом и в старых ботинках сержанта, бежал на узловую станцию в надежде найти своих. Мне повезло, так как наша дивизия еще только готовилась двигаться дальше.

После доформирования новичками, мы двинулись в сторону Пинска. Топкие болота не позволяли нам быстро продвигаться. Мы оставляли немецкую оборону у себя в тылу и двигались дальше в обход. Немцы, узнав про наши манёвры, бросили свои укрепления и окружили Пинск плотным кольцом. К нам поступили новобранцы из бывших заключенных по разным статьям. Перед ними выступил маршал Рокоссовский со словами, что задача одна - победа. Нужно прорвать оборону и отбить г.Пинск. Все равны перед этой целью. Если найдутся трусы, то он лично будет расстреливать. Герои, бывшие осужденные, получают награды и полную амнистию. «Новобранцы» дрались из последних сил, понимая, что это их шанс получить долгожданную свободу. Так с боями мы освободили Пинск и Брест и погнали немца на польскую территорию.

Освобождение Варшавы

Дело шло к осени, и дни становились все холоднее. Мы освобождали польские хутора и населенные пункты, продвигаясь к рекам Висла и Одер. Не доходя до Варшавы километров 60, наше подразделение было переименовано в 33-й отдельный Краснознамённый батальон специального назначения химической защиты при 342-й стрелковой дивизии 61 Армии 1 Белорусского фронта.

Для освобождения Варшавы нам прислали в подкрепление польскую дивизию, хорошо вооруженную оружием советского производства. В то время 1 Белорусским фронтом уже командовал маршал Жуков, который и вёл подготовку к освобождению Варшавы. Зима в Польше была не очень холодной, поэтому когда 1 января 1945 года началось сражение за Варшаву, нам казалось, что наступило лето. Настолько жаркими были бои.

Немцы сопротивлялись отчаянно. Они понимали, что за Польшей – их родная Германия, и не жалели ни сил, ни средств. Очень активно фрицам помогали Власовцы, которых было достаточно среди немецких военных. Они понимали, что терять им нечего, и дрались до последней капли крови. Но немецкая армия была уже достаточно потрепана и не представляла той монолитной силы, как раньше. Немцы сражались за каждый метр земли. Они старались взрывать дома, чтоб ничего после себя не оставить. Наши войска, напротив, старались бережно обходиться с мирным населением и сохранять здания и сооружения. Бои были упорными. Особенно трудно было проводить операции на улицах города, где каждый дом, каждое строение и помещение могли стать оборонительным сооружением. В дыму и на обломках домов было трудно различить своих и врагов. Опасность подстерегала за каждым углом. И только к середине января 1945 года, а вернее, 18 января Варшава была освобождена советско- польскими войсками. Мы плечом к плечу с поляками, украинцами, русскими и грузинами освобождали столицу Польши.

К нам выбегали мирные люди, обнимали, целовали нас. Выносили какое-то угощение, подарки. Немцы были отброшены за Вислу, которая уже была покрыта тонким льдом. Мы подтягивали к себе свежие силы и готовились добить немца на его территории. Наш батальон был переименован в 33 отдельный Краснознаменный Варшавский батальон химической защиты особого назначения. Стали готовиться к новой операции под названием «Висло-Одерская». По другую сторону реки Одер лежала граница с Германией - логовом нашего врага. Здесь начиналась другая война.

Победа над Германией

Немцы решили поменять свою тактику, и каждый день вели пропаганду. Со своих самолетов они сбрасывали нам листовки со следующим содержанием: зачем, якобы вам, русским солдатам, воевать дальше. Вы освободили свою страну и уходите себе домой, где ждут жены, матери и сестры. Дескать, зачем вам сидеть и воевать в чужой стране, за чужих людей, если все здесь погибнете, если не уйдете. Также в своих листовках они хвастались, что разработали новейшее оружие, которого еще никто никогда не видел, и перед которым никто не устоит, и погибнут все.

За дело взялась наша разведка, чтобы узнать, какое такое оружие придумали немцы. Оказалось, что действительно против танков они разработали орудия, которые пробивали броню наших Т-34 и воспламеняли машину. Против пехотинцев они разработали газы, которые не могли фильтровать наши старые противогазы. Так что положение становилось серьезным, особенно для войск химзащиты. Шла подготовка к наступлению.

Наше командование приняло решение: попытаться перебросить десант на другой берег Одера. Многочисленные попытки часто заканчивались провалом. Немцы уничтожали наших солдат нервно - отравляющими газами, а тех, кого захватывали живыми, резали и кромсали на куски и выбрасывали в реку. Советским солдатам вспарывали животы, отрезали головы, насаживали их на колы и делали такие заборы. Каждый день в рупор они кричали, что так будет со всеми, кто попытается перебраться на их берег. Мы же, в свою очередь, не теряли надежду и строили самодельные плоты, чтобы отдельными группами в разных местах пробиться через немецкую оборону. Когда нам это удавалось, и мы завоевывали плацдарм, то из последних сил старались его удерживать, пока не придет подкрепление. Такого отпора со стороны фрицев наши войска еще не встречали за всю войну.

15 марта 1945 года мне и моим боевым товарищам Виктору Кузнецову и Николаю Дубочинскому был дан приказ: соорудить самодельный бревенчатый плот, и с наступлением перевезти на нем 3 катушки телефонного кабеля и аппараты на другой берег реки, чтобы наладить связь штаба дивизии и высадившимся там десантом. После выполнения операции мы должны были оставаться на том берегу реки до новых указаний.

Все шло по плану. Мы сделали плот, погрузили на него катушки, взяли гранаты, автоматы и поплыли через Одер. Небо периодически освещалось взрывами минометов, поэтому направление своего движения мы держали правильно. Течение в том месте было не очень сильное, а кое-где по реке плавали еще не растаявшие льдины. Когда до противоположного берега оставалось метров 150, наш плот наткнулся на большую корягу и перевернулся. Мы все оказались в воде. Тяжелое снаряжение тянуло вниз, на глубину, но мы держались за края плота и пытались его выровнять. Мы в воде размотали 2 катушки кабеля и подключили к аппаратам. А сами направляли плот к противоположному берегу. Третья катушка сорвалась с плота и утонула. А один из аппаратов с ней вместе ушел на дно. Виктор Кузнецов держал в зубах лямки от одного аппарата. Больше часа мы плыли к берегу, находясь в ледяной воде в телогрейках и сапогах. Все намокло, стало тяжелым и тянуло нас на дно. Но мы уже видели, что на противоположном берегу нас уже заметили наши ребята, и гребли из последних сил.

Вытащили нас из воды полумертвых и тут же повели в землянку отогревать. Дали спирта. Выкрутили намокшие ватники, вылили воду из сапог. Но переодеться нам было не во что, поэтому нас обматывали тряпками и чужими портянками. Ребята быстро наладили телефонную связь со штабом и доложили командованию о случившемся. Там мы остались до новых указаний. Ночью нам переправляли еду, а днем мы удерживали эти плацдармы, пока строились переправы и подтягивалась техника. Почти две

недели шла подготовка к массированному удару, когда вся авиация, артиллерия и техника пошла в наступление на нашем участке. Так мы прорвали оборону и углубились на 20 км на территорию Германии. Перед советскими солдатами выступил маршал Жуков с призывом добить фашистскую гадину в его же логове.

За операцию на Одере и проявленную отвагу при обеспечении телефонной связи, меня и моих товарищей представили к правительственной награде и присвоили звание сержанта. Вот награду нам получить тогда не пришлось, поскольку штаб дивизии со всей документацией был разбомблён вражеской авиацией. Но главное было не в награде, а в том, что мы остались живы и добиваем врага на его же земле.

Так с боями пришёл апрель 1945 года. Вошли в Восточную Пруссию, и с тяжёлыми боями продвигались по направлению к Берлину. За эти военные действия я был награжден Грамотой Сталина.

На дорогах все чаще появлялись указатели с русскими надписями. Немцы, понимая своё поражение, часто сдавались в плен, переодевались, пытались удрать. Но раненый зверь, как известно, очень опасен. Наши войска входили в немецкие города и знали, что не все и не всегда их ждут с хлебом-солью. Очень большие наши потери были на вражеской территории. Но общее настроение у всех было приподнятое. Каждому хотелось дойти до Берлина и дожить до Победы. 20 апреля 1945 года до Берлина оставалось всего 25 км, которые дались очень тяжело. Немецкие самолеты без боеприпасов пикировали на наши эшелоны и врезались прямо в идущих людей. Они дрались до последнего патрона.

Для штурма Берлина были подтянута наша тяжелая артиллерия с танками последних разработок. Это были грозные КВ и ИС, которые с громким рычанием добивали последних фашистов. В воздухе летали наши

самолеты и тоже охотились за немецкими штурмовиками. Все силы были подтянуты к Берлину.

Я в составе 3-й роты огнеметчиков получил задание вместе с наступающей пехотой прорвать сильно укрепленную линию обороны перед самим Берлином. Мы должны были уничтожить немецкие доты и дзоты, соединенные между собой потайными ходами и хорошо оснащенные различной военной техникой. А пока мы заправили свои огнеметы и приготовились в ожидании команды начать задымление этих точек. Перед нами была автомагистраль Эльзенштрассэ.

24 апреля 1945 года в 4:00 утра была дана команда - начать штурм. Первыми атаку начали химики, устроив плотную дымовую завесу. Тут же в бой пошла во весь рост пехота, ведя бесприцельный огонь. Немцы начали огрызаться из всех оборонительных точек, но попадания хоть и были, но случались гораздо реже из-за сильного задымления. Наши бойцы в это время все ближе пробирались к немецким дотам и вели уже прицельный огонь. Нашей роте удалось подползти настолько близко к немецким дзотам, что мы смогли уже всунуть в их амбразуры стволы огнеметов и поливать фашистов сплошным огнём. Где не доставали автоматные очереди, забрасывали фашистские берлоги гранатами. Но немецкие укрепления были построены таким образом, что не только соединялись друг с другом, но и имели целые лабиринты подземных ходов, куда фашисты исчезали. Чтобы их оттуда выбить, бойцы попробовали попасть в траншею, но были тут же уничтожены. А под землей оставалось очень много недобитых немцев, которые возникали в разных местах из под земли и остервенело отбивались. Стала задача: попасть в подземные бункеры и выбить из них фашистов. Но как это сделать?

На следующие сутки решено было забросать все входы в траншеи большим количеством дымовых шашек, после которых туда должны были

вскочить наши солдаты со связками гранат и побросать их в проходы. Следом за ними в операцию вступили огнеметчики. Мы шли и плотным огнем поливали всё впереди себя на расстоянии 30 метров. Вот с таким трудом на протяжении нескольких дней мы прорывались сквозь немецкую оборону на подступах к Берлину, который уже был перед нами. Немцев мы выбили, но и своих бойцов потеряли очень много. Ребята дошли до Берлина, пройдя всю войну, погибли на последних километрах до Победы. *Вечная им память.*

В это время, в соответствии с договоренностью об открытии второго фронта, над западным Берлином появилась американская авиация. Они прицельными бомбами начали забрасывать город. Многие немцы не ожидали такого поворота событий и надеялись укрыться в городских бомбоубежищах. Но шансов у них оставалось всё меньше.

К вечеру 25 апреля были взяты первые дома западного Берлина. В город въехали наши войска. Очень трудно приходилось танкистам на машинах КВ и ИС, которые были не приспособлены для маневренных действий, так как были очень громоздкими и неповоротливыми. Улицы города были узенькие и извилистые, а подбитый танк сразу же перегораживал движение другой технике и становился хорошей мишенью. С окон домов на нас летели бутылки с зажигательной смесью и гранаты. Фашисты прятались за каждым зданием и обстреливали пехотинцев из всего, что у них осталось. Мы с боем захватывали каждый дом, каждый подъезд. В подвалах пряталось мирное население. Это были в основном старики, женщины и дети, которых мы не трогали. Но среди них часто попадались переодетые солдаты, которые надеялись спрятаться от возмездия. Если мы таких обнаруживали, то уничтожали на месте.

Когда я в составе своей роты, где самыми близкими друзьями были Иван Панкратов из Москвы и Аркадий Иткин из Киева, продвигались по

улицам Берлина, от одного из зданий отвалилась стена. Огромная глыбина из кирпича и арматуры упала прямо мне на голову и пробила каску. От этого удара я потерял сознание и упал. А когда пришёл в себя, то понял, что ничего не слышу. Мои товарищи меня посадили и перебинтовывали пробитые плечо и руку. Удар был такой силы, что пробил не только каску, но и плащ палатку и гимнастерку. Если бы я был без каски, то живым остался бы вряд ли. Несколько дней я ничего и не слышал, но потом слух постепенно восстановился, но не полностью. Я скрыл эту травму от командования и медперсонала, чтобы меня не отправили в санбат до победы. Так всю свою оставшуюся жизнь я расплачивался своим слухом за нашу победу.

Самые трудные были бои в самом Берлине, каждый метр улиц которого обагрён кровью наших солдат. Однажды, во время боев на одной из улиц, на дороге появилась маленькая девочка, которая испуганно плакала и не знала, куда бежать. Это был немецкий ребенок. Наш боец выскочил из укрытия, схватил ребенка на руки и понес в укрытие. Пока он её бежал через линию огня, сам был ранен, но ребенка успел донести до своих и передать в руки наших бойцов. Так была спасена немецкая девочка белорусским солдатом по фамилии Лукьянович Трофим. Через много лет в Германии установили памятник русскому солдату со спасённым ребенком на руках. Эта благодарность за всех спасенных детей. Часто вспоминаю, как обращались фашисты с нашими детьми, и поступил ли хоть один из них бы так, как это делали наши ребята. Время всё расставит на свои места.

30 апреля 1945 года бои сместились к зданию Рейхстага. Каждый этаж здания отвоёвывался большой кровью. Немцы там держались намертво. Наши бойцы торопились быстрее их выбить оттуда и водрузить знамена своих частей над его куполом. Но сделать это было очень трудно. Наша задача была держать здание под прицельным огнем и не подпускать к нему фашистов. Мы залегли метрах в 800 от фасада и хорошо его просматривали.

1 мая 1945 года Знамя Победы гордо развевалось на куполе Рейхстага. Оно развевалось и хорошо было видно издалека. Хотя ещё и не было объявления о Победе, но всем и так было понятно, что проклятая война закончена, а фашисты разбиты.

Около 12 часов дня в небе появились наши истребители и стали кружиться над нами. Они летали небольшими звеньями на высоте 300-500 метров. Вдруг из-под щитка одного из них вылетело красное знамя прямо над зданием Рейхстага. На нём белыми буквами было написано: «С Днем Победы». Со стороны одного из разрушенных зданий слышалась короткая автоматная очередь в сторону самолётов. Это фашистские недобитки так огрызались на такую выходку советских летчиков. Самолеты улетели, но через полчаса вернулись и повторили свою попытку выбросить красное знамя прямо на здание Рейхстага. Фашисты отчаянно сопротивлялись. Многие из них засели в метро Берлина и устраивали оттуда свои вылазки. Им предложили сдаться добровольно, иначе все будут уничтожены.

2 мая со стороны Бранденбургских ворот стали появляться немцы с белым флагом. Впереди шли генералы и офицеры, а далее – все остальные. Мы все обнимались, целовались, плакали. Мы праздновали нашу такую тяжелую победу над фашистами. Мы салютовали из всех наших орудий, находящихся в Берлине. Не верилось, что война закончилась, и начнётся мирная жизнь. Мне не верилось, что я, простой солдат Советской Армии, прошёл всю войну от начала до самого Берлина и остался живым. Радости не было конца.

3 мая 1945 года побудки утренней у нас уже не было, мы встали позже. Командир велел всем нам тщательно побриться и посбривать усы и бороды, которые мы отпустили. У меня тоже отросли небольшие рыжие усы, как у финнов, которые мне тоже пришлось сбрить. Мы привели себя в порядок, позавтракали, начистили сапоги и решили сходить к Рейхстагу и

сфотографироваться там. Идти было недалеко. Когда мы пришли, то увидели возле здания множество людей, среди которых были военачальники во главе с маршалом Жуковым. Мы решили забраться повыше и оставить там свои автографы. Сделать это было сложно, так как здание было повреждено и разрушено во многих местах, и еще догорали обрывки немецкой литературы и газет. На всех этажах среди руин лежали трупы немецких солдат. Мы забрались повыше, как смогли, а затем становились друг другу на плечи и оставляли свои записи. Я написал следующее: «3 мая 1945 года. Новохацкий Сергей Григорьевич из Одессы» и расписался. Вдруг нам пришла в голову мысль забраться на сам купол, стать рядом со Знаменем Победы и посмотреть сверху на Берлин. Виктор Кузнецов меня поддержал, и мы полезли. Карабкаться было очень тяжело, т.к. проржавевшие балки и кровля грозили обрушиться. Нам что-то кричали снизу, но мы ползли вверх. Когда добрались до Знамени, закрепленным на куполе телефонными проводами и оглянувшись вокруг, то и там увидели кучи немецких трупов, которые еще не убрали. Это так немцы не подпускали наших бойцов закрепить на самом верху Знамя нашей Победы. Мы полюбовались Берлином с высоты. Затем я достал свой нож - финку и на куполе нацарапал ту же надпись, что и внизу. Затем нож отдал Виктору. К сожалению, лезвие у него сломалось, и нож свалился вниз. Я очень жалел, что не удалось сохранить такой важный трофей. Мы спустились вниз с большим трудом и стали фотографироваться с товарищами перед зданием. Фотографии нам обещали отдать позже, но этого так и не случилось.

Так, я встретил Победу над немецко-фашистскими захватчиками, находясь в Берлине, в самом логове нашего врага. Мы радостно отмечали этот великий День, который ждали столько долгих лет.

Оккупационные войска

Наш 33 Краснознаменный Варшавский батальон химической защиты (особого назначения) остался в Берлине и был зачислен в оккупационные войска Берлинского гарнизона под командованием генерал-майора Чуйкова. Наша задача была нести обыкновенную службу по городу. Мы ходили в караул, обеспечивали порядок на улицах и охрану местной шоколадной фабрики. Кроме того, позднее мы демонтировали оборудование, которое должно было отправиться в Москву.

Жизнь шла своим чередом. По вечерам после караульной службы мы выходили на улицы Берлина и пели наши песни. Я пел на украинском языке, кто-то на грузинском, русском, молдавском. Жители города выходили на балконы или высовывались из окон и громко нам аплодировали. Мы наслаждались миром в Берлине до августа 1945 года, пока нас не перебросили в небольшой немецкий городок, который стоял на берегу реки Шпрея. Там была своя комендатура, в распоряжение которой мы и поступили. Там проходила наша дальнейшая служба. Однажды ночью нас подняли по тревоге, срочно выдали дополнительное оружие и посадили в большие грузовые машины. Куда нас везут, мы не знали, но по ситуации понимали, что случилось что-то непредвиденное. По данным разведки стало известно о готовящейся диверсии недобитых фашистов и их прихвостней, которые в тех местах организовали отряд в количестве 70-100 человек. Было известно, где находится их логово, и нам надо было его уничтожить. Диверсанты расселились по домам под видом обычных немецких фермеров и готовили серьёзную операцию по взрыву эшелонов с оборудованием. Внезапным своим появлением мы вызвали среди них панику. Они открыли огонь по нашему отряду, но были уничтожены. Так была предотвращена крупная диверсия.

Возвращение на родину

Лето 1945 года заканчивалось, а мы готовили технику, на которой планировали возвращаться назад домой. В сентябре мы выдвинулись своим ходом в направлении Польши. Проезжая через Варшаву, мы плакали, вспоминая, скольких своих товарищей оставили на этой земле, и какими трудными были бои за её освобождения. Поляки нас провожали песнями и воздушными поцелуями. Город был сильно разрушен, и уже начинались работы по его восстановлению.

14 дней мы ехали по территории Польши, пока не оказались в Бресте, который уже начинал мирную жизнь после своего освобождения. Проезжая через Брестскую крепость, мы кланялись погибшим здесь солдатам, принявшим первый удар на себя. Наш обратный путь на Родину был усеян слезами памяти по погибшим. Мы видели разрушенные города, оборванных, но уже счастливых местных жителей, приветствовали их, общались, поддерживали, как могли. Наш курс лежал через Пружаны, Лунинец на Житковичи, где нас разместили до декабря 1946 года.

26 декабря 1946 года мы получили приказ «О демобилизации». Так, в этом небольшом городском посёлке закончился мой боевой путь от Одессы до Днепра, от Оки до Москвы, от Москвы и до Берлина. Протопал пешком то отступая, то снова наступая пол Европы. В общей сложности мой путь составил 12.000 километров.

Заключение

Помните нас, дорогие наши дети, внуки и правнуки. Пусть люди знают и помнят, какой страшной ценой была добыта эта Победа над фашистской Германией, над нацизмом.

Свои слова заверяю подписью.

Новохацкий Сергей Григорьевич.

г.Минск, апрель 1948 г

Оглавление

Вступительное слово автора	2
Начало войны	3
Оборона Москвы	12
Курская битва	20
Освобождение Беларуси.....	25
Освобождение Варшавы	29
Победа над Германией.....	31
Оккупационные войска	39
Возвращение на родину.....	40
Заключение	41